

сознательный» художникъ нашъ ничѣмъ не будетъ застрахованъ отъ всевозможнаго рода случайностей на пути своего развитія,—своего приближенія къ «храму славы», а изъ нихъ, этихъ случайностей, главною, наиболѣе гибельною и чаще всѣхъ встрѣчающеюся въ такъ наз. «непосредственныхъ» творцахъ, будетъ—извѣстный процессъ привхожденія въ актъ творчества духа рефлексіи, т. е. стремленія постоянно отвлекаться отъ непосредственнаго творчества для постороннихъ, чуждыхъ этому творчеству вопросовъ, вызванныхъ этически развивающеюся натурою самого художника; конечнымъ же результатомъ этого стремленія явится неизбѣжный внутренній разладъ, который, убивъ, съ одной стороны, творчество непосредственное и не давъ, съ другой, сознательного, неминуемо лишаетъ пасъ въ писателъ художника...

III.

Лучшій примѣръ подобнаго критического положенія таланта и лучшее же объясненіе его далъ намъ Гоголь. Въ талантъ его указанныя качества непосредственности, «безсознательности» и безотчетности настолько были развиты, что Бѣлинскій сравнилъ его даже съ животнымъ: «страшно подумать, пишетъ онъ къ одному своему пріятелю, о Гоголѣ,—вѣдь во всемъ, что онъ написалъ—одна натура,—какъ въ животномъ... Самъ же Гоголь лучше всѣхъ объяснилъ, какимъ образомъ произошелъ въ немъ извѣстный переворотъ, заставившій его покинуть поприще, которое онъ уже утвердивъ за собою, гдѣ былъ почти господинъ, и взяться за другое, ему чуждое: «Если бы, говорить онъ въ своей «Исповѣди автора», и съ Карамзинымъ случилась эта внутренняя исторія во время его писательства, онъ бы ее также выразилъ. Но Карамзинъ воспитался въ юношествѣ. Онъ